

Д.А. Стебаков

Следовать сложной природе человека

В статье «Действовать с учетом сложной природы человека» В.М.Розин пишет: «Человек – многомерный кентавр – он и личность (правда, не всегда), и социальный субъект, и телесное существо, и биологическое, и духовное, причем эти его ипостаси находятся в различных отношениях друг с другом (управления-подчинения, симбиотического сосуществования, поддержки-конфликта). И действовать (лечить, реабилитировать, образовывать, понимать и прочее) мы должны с учетом этой сложной природы. К сожалению, в практике сплошь и рядом наблюдается другой подход – одномерный, когда человек понимается или только в одной ипостаси или даже в онтологии одной из научных дисциплин»¹.

Настоящая статья задумана в продолжение некоторых тем, затронутых Вадимом Марковичем с привлечением материала еще одной науки о человеке – психологии, в которой проблема сложности проявляется особенно рельефно.

Упрощение человеческой природы в дисциплинах, изучающих человека, – крайне распространенное явление. В большинстве случаев упрощение происходит из благих побуждений, из стремления следовать принципам научности, объективности, из стремления к интерсубъективному, инвариантному описанию изучаемых явлений. Во многом упрощение заложено в процедуру получения знания и является «врожденной болезнью» экспериментальных схем.

¹ *Розин В.М. Действовать с учетом сложной природы человека // Философия науки. Вып. 16: Философия науки и техники. М., 2011. С. 123.*

Сложность в настоящей статье мы будем понимать в двух основных смыслах: 1) сложность как многомерное устройство объекта в науках о человеке, существующего в самых разнообразных измерениях – биологическом, социальном, культурном и т. п. 2) сложность как вписанность, вплетенность объекта в многообразную систему связей и отношений, нарушение, изъятие из которой влияет на функционирование объекта, на его поведение в эксперименте или в процессе иных манипуляций.

«**Эксперимент** (от лат. *experimentum* – проба, опыт), исследование каких-либо явлений путем активного воздействия на них при помощи создания новых условий, соответствующих целям исследования, или же через изменение течения процесса в нужном направлении. <...> Э. включает в себя: выделение объекта исследования, создание необходимых условий, включая устранение всех мешающих факторов, материальные воздействия на объект или условия, акты наблюдения и измерения с применением соответствующих технических устройств»².

Для того чтобы объективно изучать процессы или явления в эксперименте, они должны быть доступными для оперирования с ними, т. е. выделенными из существующей системы связей и отношений. Так, часто в физиологии буквальном смысле *выделяют* у подопытных животных интересующие процессы и функции хирургическим путем. К примеру, с целью наблюдения биоэлектрических явлений в живых тканях, хирургически выделяют эти процессы у подопытных животных (декапитация лягушки и приготовление нервно-мышечного препарата). Можно привести немало примеров из медицины и фармакологии, когда для изучения того или иного процесса в организме человека или животного, требуется его *выделение* из окружающей среды.

Выделение процессов и явлений – естественный способ устранить возмущающие и искажающие влияния окружающей среды. Это позволяет сделать процессы доступными для измерения и описания, и это гарантирует отнесенность эмпирических данных конкретному объекту. Однако серьезная проблема заключается в том, что разные объекты и процессы совершенно по-разному поддаются выделению. Если выделение ряда физиологических процессов в эксперименте не представляет трудностей, то с такими явлениями, как интеллект, память, свойства личности, смысловая организация, характер, формы

² Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1986. С. 558.

поведения, реагирование на болезнь, возникают сложности. Также сложности возникают при изучении *формирования* самых разнообразных явлений – установок, ценностных ориентаций, болезней, психологических деформаций, зависимостей. Поскольку формирование любого из этих явлений – длительный нелинейный процесс, в котором средовые влияния играют одну из ведущих ролей, с выделением переменных при изучении формирования процессов и явлений, возникают сложности. Во-первых, часто для проведения исследования требуются десятилетия, и имеет место обилие побочных (внешних) переменных. С целью управления подобными сложностями разработаны специальные схемы. К примеру, «метод поперечных срезов» значительно сокращает временные затраты при изучении развертывания явлений во времени за счет специально организованной селекции и сравнения одной и той же переменной, но в разных фазах у разных «эквивалентных» (по ряду параметров) испытуемых. В результате исследователь получает представление о связи групп переменных, ценой утраты наблюдаемости каузальных цепочек. Длительные же («лонгитюдные») исследования слишком дорогостоящи, сложны и имеют свои собственные, ограничения.

В ряде случаев данные трудности устраняются в результате применения изолированных схем контроля переменных в эксперименте. Однако использование этих схем таит иную опасность, обусловленную характером носителя изучаемых переменных. Носитель – сложнейшим образом организованное живое существо, развивающееся и существующее в конкретной среде, во многообразии связей и в историческом контексте. При выделении существа из привычного окружения мы тем самым нарушаем привычный образ жизни, вносим серьезные возмущение в функционирование организма, что часто отражается на результатах эксперимента.

Многие глобальные идеи относительно человеческого существа выведены из локальных экспериментов, организованных в конкретной среде и нацеленных на изучение локальных связей.

Данное утверждение можно проиллюстрировать на материале экспериментов психолога Брюса Александра³. Александр, интересуясь проблемой формирования наркотической зависимо-

³ Alexander B., Beyerstein B., Hadaway P., Coombs R. Effect of Early and Later Colony Housing on Oral Ingestion of Morphine in Rats // *Pharmacology Biochemistry & Behavior*. 1981. Vol. 15. P. 571–576.

сти, обратил внимание на экспериментальную процедуру изучения развития аддикции у животных. В 1960–1980 гг. лабораторные крысы обычно содержались в однотипных ящиках размерами 18x25x18 см, сделанными из листового металла. Крысы жили рядом, однако не видели соплеменников. Раз в несколько дней крысы контактировали с людьми, которые приходили чистить клетку. Эксперименты же обычно проводились в т. н. ящиках Скиннера – сложных электромеханических устройствах, сконструированных для изучения поведения.

При изучении аддиктивного поведения в ряде экспериментов крысы подвешивались к потолку коробки, и в случае нажатия на рычажок, через заранее установленный катетер получали наркотический препарат – героин, морфин, амфетамин и др. Результат подобных экспериментов достаточно предсказуем: крысы все чаще жали на рычажок с целью получения заветной дозы препарата, потребляя таким образом все больше наркотика. С помощью полученных выводов описывалось не только поведение крыс, но и поведение человека.

Александр отметил неправомерность экстраполяции данных подобных экспериментов, как на формирование зависимости у животных, так и у человека. Во-первых, крысы по природе крайне не активные, социальные, сексуальные существа, и серьезным нарушением привычного порядка их жизни является помещение в крайне неестественные условия «одиночного заключения». Во-вторых, для получения наркотика в ящике Скиннера крысе не надо прилагать никаких сколько-нибудь серьезных усилий, что существенно отличает смоделированную ситуацию от условий развития зависимости у человека, который вынужден добывать препарат. Третьим упрощением является описание человеческого опыта формирования зависимости исходя из редукционистской модели крысиного поведения. (Согласно распространенной шутке, психология является «наукой о студентах-второкурсниках и белых крысах»). Генеральным результатом ряда экспериментов по формированию зависимого поведения у лабораторных животных был вывод о том, что наркотические препараты сами по себе обладают *высокой аддиктивностью*, влиянием на поведение животных и человека.

Александр с группой коллег предположил, что более уместным было бы изучать особенности аддиктивного поведения животных в среде, приближенной к естественным условиям их жизни, и создал т. н. «крысиный парк». Колония крыс была помещена в бокс площадью 8,8 м² с открытым верхом (для наблюдения за поведением крыс). В боксе присутствовали пустые банки, небольшие коробки, опилки, щепки – все, что нравится крысам в их обычной жизни. На выбор крысам предлагалась вода или морфиновый раствор с разной долей вещества в различных фазах эксперимента. Наблюдения за колонией крыс показали, что эти крысы значительно реже, чем содержащиеся в клетках, потребляли морфиновый раствор, что позволило пошатнуть постулат о непреодолимой привлекательности наркотиков для живого существа.

Эксперименты Александра с крысиным парком показывают, что при изучении живых существ нельзя недооценивать контекст жизни этого существа, сложность и историчность этого контекста.

Выводы о высокой аддиктивности наркотика, полученные при изучении крыс в клетках, – это не больше, чем выводы о высокой аддиктивности наркотика для *крыс, находящихся в клетках*, а не для всех крыс. Точно так же, и выводы Александра о низкой аддиктивности наркотика для крыс, находящихся в эго парке – это выводы о *крысах, живущих в улучшенных условиях по отношению к реальной среде*. Поскольку в реальной среде крысы вынуждены сами добывать пропитание и сопротивляться неблагоприятным условиям среды, тогда как в крысином парке они были в безопасности и обеспечены необходимыми ресурсами.

Таким образом, мы имеем дело с совершенно разными закономерностями, каждая из которых связана с конкретной ситуацией, в которую заключено живое существо. И соответственно вывод о формировании зависимости – это вывод о формировании зависимости крыс в узкой клетке и крыс в улучшенных условиях. А не о формировании зависимости вообще. Полностью устранить средовые влияния невозможно, да и не нужно, поскольку зависимость – крайне сложное и многогранное явление, а не линейная цепочка хорошо поддающихся изучению событий.

Всякий эксперимент с живым существом – это компромисс между чистотой эксперимента, подконтрольностью переменных, с одной стороны, и возможностью экстраполяции полученных дан-

ных на иные, неэкспериментальные условия. Выделяя переменные и помещая наш объект в неестественные для него условия, мы тем самым провоцируем совершенно новые, ситуативные реакции. И наоборот, изучая живое существо в условиях естественных, мы теряем полный контроль над экспериментальными переменными. Отражением этого противоречия в теле науки являются т. н. квазиэкспериментальные схемы. Это «мягкие» схемы экспериментов, в которых некоторые обязательные условия экспериментальной процедуры не выполняются. Квазиэксперимент – это попытка найти компромиссное решение между «жесткостью» лабораторного эксперимента и «мягкими условиями» полевого.

В ряде знаменитых социально-психологических экспериментов показано, что экспериментальная ситуация провоцирует специфические реакции. Тюремный эксперимент Зимбардо проливает свет на особенности поведения обычного человека в необычной ситуации с жестко дефинированными ролями – тюремщика или заключенного. Эксперимент Стенли Милгрэма иллюстрирует поведение обычного человека в критической ситуации, связанной с психологическим давлением ситуации и авторитета. Выводы, полученные в этих экспериментах, действительно верны, однако они относятся к конкретной критической ситуации, смоделированной в эксперименте и ко всем подобным ситуациям.

Таким образом, мы подходим к идее о том, что при изучении живых существ ситуативные влияния, контекст, средовые связи – это не то, от чего стоит всегда избавляться в эксперименте, называя это «внешними переменными». Это триггеры, крайне существенные для любой изучаемой закономерности. И законы обретают новый смысл в конкретном контексте.

Думаю, именно сложность определяет то обстоятельство, что знания в науках о человеке имеют *вероятностную природу*. Проиллюстрирую это простым примером. Ниже представлен фрагмент анализа результатов одного исследования, проведенного в 2005 г. автором данной статьи⁴. Не загружая текст подробностями, остановлюсь на конечных цифрах. В результате исследования связи двух переменных нами был получен коэффициент корреляции 0,76 при уровне значимости 0,05. Что же это означает?

⁴ Исчерпывающий философско-научный анализ упомянутого исследования см.: Стебаков Д.А. Эволюция представлений об истинности знания в науке и технике. Дис... канд. филос. наук. М., 2009.

Это означает, в 76 % случаев фиксируется связь переменных. Однако в 24 % наблюдений (протокольных предложений, замеров двух переменных) переменные оказываются никак не связаны друг с другом, а вероятность статистической ошибки – 5 %, т. е. в 5 % случаев полученная корреляция может быть объектом сомнений и нареканий. В нашем исследовании вследствие его трудоемкости (тестирование одного испытуемого занимало в среднем около 1–2 часов) было проведено всего 24 замера каждой переменной. Приблизительно в 18 случаях мы констатируем взаимосвязь переменных. А значит, что в 6 случаях этой взаимосвязи нет и, скорее всего, как минимум один замер является ошибочным.

Конечно, для ученого 76 % наблюдений представляют собой главный интерес, поскольку говорят о высокой вероятности связи переменных. Однако что представляют собой другие 24 %? Думаю, эти 24 % – тот самый «фактор сложности», который можно интерпретировать следующим образом: из-за многогранности, многомерности изучаемого объекта, любая закономерность и любой закон будут обладать недостаточной разрешающей способностью для описания процесса или явления у любого представителя генеральной совокупности. При этом, конечно, не стоит забывать и об иной интерпретации: о высокой вероятности погрешности в измерениях, ошибках моделирования, и планирования воздействия (тем более что уровень значимости 0,05 в приведенном примере явно недостаточен для определения статистической достоверности). Однако там, где мы имеем дело с множеством измерений, всегда имеют место и случаи, подтверждающие генеральную тенденцию, и случаи, выбивающиеся из нее.

Человеческий организм настолько многообразен и вплетен в такое количество связей разных уровней (организмических, средовых), что в принципе, изучая различные выделенные переменные, можно всегда надеяться на получение какого-либо результата, на выявление какой-либо связи с определенной вероятностью. Однако это не свидетельствует в пользу *прозрачности* процедур познания в науках о человеке. Наоборот, имеет место ряд последовательных упрощений при переходе между различными уровнями знания.

Первое упрощение формируется при конструировании эмпирического объекта, выделяя наиболее существенные черты, мы абстрагируемся от несущественных. Второе упрощение формиру-

ется при переходе от эмпирических фактов к закономерностям и законам. Руководствуясь вероятностным принципом в психологии и других науках о человеке, мы тем самым теряем часть информации, поскольку «отбраковываем» все наименее вероятное. Третье упрощение имеет иную природу. Оно имеет место в практической (технической) деятельности, выстраиваемой на основании идеализированных научных данных. Хотя именно практика дает богатый материал, свидетельствующий о необходимости разработки многомерных способов описания и исследования живых систем.

В результате ряда идеализаций формируется иллюзия познавательной «прозрачности» различных состояний и процессов, а также познавательной прозрачности нарушений процессов на разных уровнях функционирования живой системы. Следовательно, формируется миф о прозрачности лечения (или любого другого вида помощи). Рассматривая медицину, В.М. Розин указывает, что благодаря рациональному объяснению функционирования организма и развития болезней, «...медицинские знания делают пациента, так сказать, «прозрачным», естественно не в оптическом отношении, а в познавательном (назовем эту установку «принципом прозрачности»)»⁵. Примерно то же самое происходит и в психологической науке, которая претендует на «прозрачность» описания человека.

Относительно медицины В.М.Розин также отмечает: «...медицинская наука – это вовсе не точное знание, а сложный коктейль, точнее смесь, из самых разных типов медицинских знаний, прежде всего опытных, во вторую очередь научных. Поэтому ни о какой прозрачности человека и его болезней не может быть речи. Это иллюзия, миф, порожденные медицинским подходом. Анализ показывает, что именно культивирование принципа прозрачности и опытный характер медицинских знаний обуславливают незапланированные негативные последствия медицинских технологий»⁶. С определенными оговорками то же самое можно отнести к психологической науке и психологическим технологиям, еще и потому, что выделить определенный класс явлений в буквальном смысле движением скальпеля невозможно, т. к. а) они в большинстве случаев наблюдаемы лишь косвенно и трудно быть уверенным, где

⁵ Розин В.М. Указ. соч. С. 127.

⁶ Там же. С. 130.

именно «резать» и б) часто состоят из множества соподчиненных элементов, тесно вплетенных в соседнее пространство. Действительно: подчас задача отделения генетического от средового, психического от соматического выглядит практически невыполнимой. В ряде случаев можно говорить лишь о *ролях* того или иного фактора в существовании изучаемого объекта.

Однако даже среди специалистов-психологов и психотерапевтов широко распространено мнение о том, что тестирование и постановка «психологического диагноза», т. е. «фреймирование» исходной реальности является отправной точкой в лечении (психологической помощи) человеку. Такой «медицинский» подход ведет к чрезмерному паттернированию: живого человека раскладывают на идеализированные фрагменты, связанные с абстрактными объектами теории, предполагая, что живое существо функционирует именно таким образом, а значит, лечение имеет смысл строить исходя из определенных моделей. Предполагается, что корень проблем заключен в снижении, повышении или несбалансированности некоторых свойств психики, или в отсутствии определенных навыков у субъекта, либо в наличии травмирующих событий или цепочек событий, приведших к формированию симптома и т. п. Основываясь на результатах паттернизирующей психологической диагностики, специалист может «предписать» терапию по определенной схеме – программе повышения, понижения, развития, навыков или свойств осознания событий и т. д.

Однако практика показывает, что это часто не приводит к разрешению проблемы, с которой человек столкнулся (бескроется в мелочах). Паттернизация имеет серьезные последствия. За «диагнозами»: «высокая тревожность», «нарушение детско-родительских взаимоотношений», «склонность к агрессивному поведению», «последствия стресса» и т. п. обычно стоит набор значительных идеализаций, скрывающихся под маской реальности. Интерпретация и классификация мыслей и поведения человека – это следствие идеи познавательной прозрачности содержаний психики. Интерпретация – это также идеализация, предстающая в облике реальности.

Практик действует в контексте, значительно преломляющем и искажающем общие законы. Как следствие, мы сталкиваемся с тем, что стереотипные интервенции, основанные на законах пси-

хики, по-разному действуют в различных случаях. В принципе, можно говорить о невозможности существования стандартных процедур для лечения определенного класса явлений, действующих в каждом случае одинаково. То, что сработало в одном случае, не сработает в другом. Недаром в большинстве руководств по психотерапии, авторы активно используют описания случаев, помещая тем самым читателя в контекст, проливающий свет на механизм действия интервенций.

Таким образом, идея прозрачности и идея сложности оказываются на разных полюсах одного континуума. Как же реализуется принцип сложности в практике оказания помощи человеку?

Целый ряд школ психотерапии в своем эпистемологическом базисе уходят от принципа прозрачности, руководствуясь принципом сложности. Такой переход продиктован непосредственной практикой оказания психологической помощи людям. Проиллюстрирую это на материале эпистемологических установок одной из школ психотерапии – стратегической⁷.

Во-первых, отправной точкой анализа являются не безликие идеализированные конструкты типа «ид», «эго», «защитные механизмы», а персональная реальность индивида и ее уникальный контекст. «В фокусе внимания стратегического терапевта находятся отношения, или, лучше сказать, *взаимозависимые отношения*, которые каждый человек переживает с самим собой, с другими людьми и с окружающим миром. Заданной целью является их хорошее функционирование не в общих и абсолютных терминах нормальности, а в терминах персональной реальности, различающейся от индивида к индивиду и от контекста к контексту»⁸.

Классик психотерапии Милтон Эриксон так характеризует позицию терапевта: «Психотерапевты не могут зависеть от общих шаблонов или стандартных процедур, которые без разбора применяются ко всем пациентам. Психотерапия – это не просто применение истин и принципов, предположительно обнаруженных академиком в ходе контролируемых лабораторных экспериментов. Каждая психотерапевтическая встреча уникальна. Она требует

⁷ Стратегическая психотерапия неоднородна, здесь я привожу конгломерат идей из различных направлений стратегического подхода.

⁸ *Нардонэ Дж., Вацлавик П.* Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия / Пер. с ит. М., 2006. С. 33–34.

нового творческого усилия как со стороны терапевта, так и со стороны пациента, которые помогает найти принципы и средства для достижения терапевтического результата»⁹.

Такая психотерапия не стремится оперировать точными идеализированными законами, очищенными от «шелухи повседневности». В практике (помощи, лечения) мы как раз имеем дело с феноменами, неизбежного влияния сложнейшим образом устроенного контекста и многомерно устроенного внутреннего мира. «Отвергается любая модель, интерпретирующая и нивелирующая в абсолютном смысле натуру и поведение человека, поскольку любая модель этого типа попадает в ловушку “автореферентности”»¹⁰. «Стратегическое мышление интересуется объектами (субъектами) не “в себе”, а “в отношениях”, поскольку мы убеждены в невозможности изъятия субъекта из контекста взаимодействий»¹¹.

Благодаря особому вниманию к контексту и учитывая сложное устройство человеческой натуры, видоизменяются и процедуры терапии. Взор терапевта направляется в настоящее. Подробнейшим образом исследуется то, как именно функционирует проблема (нарушение) в той системе связей, в которую включен субъект. Признавая принципиальную необъятность всех возможных связей, клиницист занимает релятивистскую позицию по отношению к наблюдаемым фактам. «Для клинициста теория должна быть не неопровержимой истиной, а серией гипотез относительно окружающего мира, частичными точками зрения, полезными для описания и организации наблюдаемых фактов и для воспроизведения терапевтического успеха, но подлежащими коррекции в случае неуспеха»¹². Во многом исследовательскую позицию терапевта можно сравнить с позицией этнографа, изучающего неведомое ранее племя. Не подвергая собственной оценке и не фреймируя наблюдения, он детально изучает и фиксирует текущие связи для того, чтобы сформировать строго специфическую интервенцию, следуя при этом идее сложного устройства человека.

⁹ Цит. по: Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. М., 2001. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Там же. С. 32.

Так получилось, что гуманитарные технологии, применяющиеся в прикладном аспекте, в плане следования идее сложности сегодня далеко впереди по отношению к научным методам. Следовать сложной природе человека, таким образом, значит выработать специальные познавательные процедуры, учитывающие многомерное сложное устройство человека и контекста его существования, а также выработать технологии, в которых стандартным, тиражируемым элементом была бы познавательная установка, способ исследования и воздействия, а не обобщения в понимании человеческой природы.